

Сергей
ХАУСТОВ

г. Санкт-Петербург

Ъ

ЗЕРКАЛЕ

ЧУЖОЙ

ЖИЗНИ

рассказы

ВМЕСТО ИМЕНИ

В управлении, где работал Сергей, он был Сергеем Анатольевичем. Такое вот жизненное достижение. Светлый ум поплавок поднял его по цепочке инстанций до заместителя начальника отдела. Он с легкостью миновал тех, кто, затаив дыхание, задержался на нижних ее ступенях.

Но часто Сергей чувствовал себя одноглазым среди слепых. Лежащие на поверхности идеи, которые он предлагал, отвергались. Начальники ссылались на «этих, оных», которые «не поймут, не поддержат, не в духе», и находили другие подобные причины для отказа. А прежде чем дойти до «этих», был ещё и несговорчивый Былба — мифическое существо, порожденное страхами начальника отдела. Под ним значился заместитель начальника управления Хмуров, а в сущности он, застопоривший колеса прогресса, был атавизмом пережитой уже эпохи.

«Серёжа, ну что ты от меня хочешь?! Вот был бы здесь Хмуров...» — шевеля в негодовании бровями, вцепившись в стол, привычно отвечал начальник отдела, когда отвергал очередное предложенное замом нововведение. Как случается в разговорной речи, «был бы» редуцировалось до «былба», а с годами после этого «былба» от начальника отдела стало следовать что-то по-стариковски нечленораздельное.

Время не пожалело ни Былбу, ни начальника отдела: оба теперь уже на пенсии, как и положено. И всё же такие, как Хмуров и начальник отдела, продолжают быть.

Появились другие «эти». И если Былба был в единственном экземпляре, то «этих» стало множество. Как будто Геракл из отдела кадров со словами «эх, былба не былба» рубанул голову номенклатурной гидре. Так вместо неё и родились новые — «эти»...

* * *

Вопросы Сергея и указатели в виде руководящих пальцев привели его к ветхому зданию, требующему реставрации. Рабочие поставили леса, поэтому сосчитать количество этажей он не смог. Сергей в нерешительности остановился неподалеку от входа и наблюдал за муравьиными действиями строителей. Они облепили фасад, словно труп насекомого. Вывеска слева от входа была накрыта пленкой и по большей части забрызгана известкой. С трудом можно было различить лишь надпись «министерство». Но министерство — чего?... Это временно осталось загадкой.

Сергей поднялся на крыльцо, толкнул дверь и вошел внутрь. Путь преградил турникет, рядом с которым, словно улитка, в стеклянном «панцире» сидел немолодой уже и безучастный к происходящему охранник. Станным посетителю показалось то, что между ними была некая внешняя схожесть — как если бы ему, Сергею, было лет эдак на двадцать больше. «Так бывает», — отмахнулся он от несущественной мысли.

Снова нерешительность перед турникетом, вопросительный взгляд в сторону обитателя стеклянного «панциря», который не обращал внимания на вошедшего и листал журнал про рыбалку.

— Мне — на самый верх.

— ?..

— Ну, туда.

— Так проходите, — вяло отреагировал страж.

Сергею не понравились глаза охранника — большие, мутные и с сеткой капилляров цвета меди на белках. Глаза уставшего человека.

— Документы предъявлять? Записывать будете?

— Зачем мне это?..

— А для чего вы тут находитесь?

— А вот грубить не надо, — предупредил страж. — Вы за этим сюда пришли?

— Нет, я...

— Вот и проходите. Не мешайте.

— А где находятся эти... как их...

— Ах, э-э-эти, — протянул вдруг приосанив-

шийся охранник. — Эти находятся там! — выпалил вдруг он, «воткнув» указательный палец в воздух, словно подпер им здание.

Затем, оглядевшись по сторонам, хотя вокруг и так никого не было, понизив голос, охранник доверительно сообщил Сергею, что точно не знает, где находятся «эти», как к ним пройти — не подскажет.

— Было время, когда я направлял, брал, так сказать, на себя ответственность, но мне передали, что «эти» недовольны моими «направлениями». Поэтому сами, молодой человек... теперь сами, — развел руками охранник, словно растянул меха невидимой гармонии.

— ?..

— В крайнем случае спросите дорогу у кого-нибудь «повыше». И так я тут с вами разговаривал. А я ведь не справочное бюро, сами поймите. Я — пост. Давать справки в мои обязанности не входит, — и он сделал величественный жест тыльной стороной ладони, демонстрируя тем самым, что аудиенция окончена, а после этого как-то весь поник, чем сделался сразу похожим на оплавленный огарок свечи.

Сергей миновал турникет.

— Да, и лифтом лучше не пользоваться, — донеслось в спину. — Он постоянно занят. Если честно, то я, пожалуй, ни разу и не видел, чтобы кто-нибудь поднимался на лифте с первого этажа. Вы молодой, можете и по лестнице.

Внутри здание тоже выглядело безжизненным и, как позже удивился Сергей, наполненным несообщающимися сосудами этажей. Тут и там попадались люди, не обращавшие внимания ни на него, ни даже друг на друга. Все были заняты какими-то своими делами.

Один этаж представлял собой четкую выверенность параллельных и перпендикулярных линий. Светло-серые тона стен и дверей в духе скандинавского минимализма. Люди там были такие же. Они казались картонными и плоско-неглубокими.

Встретившийся Сергею костюм стального оттенка на вопрос: «Как попасть наверх?» скользнул по нему взглядом и молча ткнул

пальцем вверх. Такой вопрос Сергею пришлось повторить несколько раз — и пальцы, пальцы, пальцы... «Подпирающих пальцев много, — напрашивался неутешительный вывод, — значит, такое здание будет стоять долго».

Так он и шел, минуя этажи и их обитателей. Сергей был бы и рад разом достигнуть цели, но лифт всё время от него ускользал, перемещающаяся невидимых пассажиров.

Он открывал двери и заглядывал в коридоры.

«...Буду исключительно короток, — услышал он, — но запаситесь терпением». «Жаркая пора прошла, но расслабляться не стоит...» — вещал голос из динамиков трем-четырем сотрудникам, которые сидели перед монитором. У стены несколькими стопками стояли сложенные друг на друга стулья.

Другая дверь была закрыта. Объявление на ней гласило, что прием осуществляется по записи, дистанционно по адресу электронной почты, который значился тут же.

Напротив, за дверью, группа сеньоров с важным видом расшаркивалась, пожимала друг другу руки и награждала грамотами и отсверкивающими золотом медальками.

Может, они и есть «эти»? Решительно направился к ним Сергей, но тут его отеснила вереница людей, которая двигалась за быстрым субъектом. Тот умудрялся на ходу раздавать указания и подписывать бумаги.

Сергей встроился в человеческую многоножку и стал пробираться к юркому мужчине, который обратил на него внимание, изобразил требовательный взгляд и не менее требовательно протянул ладонь.

— Вы «этот»? — уточнил Сергей.

— Этот? Ах, из э-э-этих!.. О нет... конечно, нет, — скривился словно от зубной боли «вожак». — Эти — «там»! — взмыл в воздух очередной палец-подпорка, и поскучевший Сергей откололся от общего строя.

Этажи, этажи, этажи.

Коридоры, коридоры, коридоры.

Тут принимали электронную почту и расписывали её исполнителям. Вокруг высились небоскребы бумаг, некоторые из них скособочились, разъехались, и письма осенними

листьями россыпью светлели на полу. Там учились ходить на руках и делать колесо. При этом с головы то одного, то другого постоянно слетала канотье и катилась пятым колесом в противоположную сторону:

— Нет, нет, нет. Так не годится! — взвизгнул невидимый фальцет. — Старайтесь, чтобы шляпа не слетала с головы. Это очень важно. И не надо ничего выдумывать, техника исполнена отточена годами. Просто повторяйте, и всё. А ну-ка, ещё раз!..

...Так и поднимался Сергей, подталкиваемый указательными пальцами — этими «строительными лесами» человеческих отношений.

Но вот перед ним оказалась «та самая дверь». Это стало понятно без всяких подсказок и указателей.

Тихий, никем не побеспокоенный этаж. «Ещё бы, тут же принимаются «решения!» — догадался Сергей и постучал.

Тишина.

Он постучал ещё раз — настойчивее.

И вновь никакого ответа.

«Нет уж», — вспыхнул он и толкнул дверь. Та бесшумно отворилась, и Сергей вошел в кабинет, если можно было так назвать это тускло освещенное помещение без окон, к тому же размерами чуть больше кладовки для уборочного инвентаря.

«Что за...» — хотел было выругаться он, когда заметил у противоположной стены за пустым письменным столом повернутое к нему спинкой кресло. «Как в триллере. Сейчас оно повернется — и: «Здравствуйте, Сергей Анатольевич, мы вас ждали. Поиграем...» Ха-ха-ха», — нервно рассмеялся он.

Но ничего не происходило. Кресло не поворачивалось, никто не произносил нагоняющих жуть речей.

Тогда Сергей подошел к креслу и развернул его.

Скрип — самое неожиданное, что произошло. Кресло было пустое. Садись — не хочу.

Сергей огляделся и увидел у стены ещё один предмет, накрытый тканью. Он сразу догадался, что это. Сергей Анатольевич решительно подошел к нему и сдернул покров.

Так и есть — зеркало в человеческий рост с облупившейся по углам амальгамой. Обрамление — резная рама, потемневшая от времени. Зеркало, как в деревне у бабушки.

Он осмотрелся и усмехнулся: «Так вот кто такие «эти».

Снова повернулся к зеркалу и посмотрел на отражение в нём.

И тут он вспомнил, как в детстве бабушка, укладывая его спать, пела:

*Не бойся закрытых дверей,
Не бойся диких зверей.
Не бойся глупых людей.*

Чу! Кто же там за дверями? Взгляни!
Это мы сами...

* * *

...В это время на этаж бесшумно поднялся лифт.

ЭТОТ

«Этот» не понравился сразу. У «этого» было имя — Валера. И внешность — сухопарый, жилистый, загорелый под футболку. Холодный бегающий взгляд. Крупные, как клешни, кисти рук. И взгляд... нехороший был взгляд — Костя видел такие и раньше...

* * *

К вечеру стали собираться тёмно-синие тучи. Тормоша растопыренные ладошки листьев, усиливался ветер. По деревьям можно было определить его направление.

Подсвеченный циклопым глазом закатного солнца, вязкий воздух приобрел фиалковый оттенок.

— Заночуем здесь, — инструктор снял рюкзак и поставил его на землю, словно отмечая центр их лагеря.

Деревушка встретилась на маршруте, когда они прошли половину намеченного пути, и стала первым приметным населенным пунктом. На входе в неё по обеим сторонам дороги стояли два истукана, высеченные из дерева, теперь растрескавшегося. Немногочисленные дома расположились в низине, которая должна была защищать их от ветра.

С одной стороны змеилась речка, где-то она впадала в Байкальское «море». С другой — величественно возвышались горы.

Тут же и кладбище с покосившимися крестами. Вдоль кладбищенского забора шла девушка с ребёнком на руках, сзади плелась старушка. Старушка о чем-то просила и протягивала руки к ребенку. Девушка отмахивалась от неё, отрицательно качала головой и ускоряла шаг.

Вдали виднелся обнесенный забором коровник. Его разномастные обитатели разноцветными точками рассыпались на склоне. Изредка слышались щелчки хлыста и собачий лай.

Вот и весь населенный пункт.

Соскучившись по домашнему уюту и постели, Костя попросился на ночлег в один из домов. Болели стертые от ходьбы ноги и спина: сказывалась неподготовленность к дальним переходам.

Остальная группа разбила лагерь на другой стороне деревни возле леса.

Хозяйка накрыла на стол. Застиранный халат и стоптанные тапки не портили её полную миловидность. Лишь напряжение, которое чувствовалось в Лиде — так звали хозяйку, диссонировало с той лёгкостью, с которой она впустила Костю на ночлег.

Её сын лет пяти бегал по двору, пугая живность. Его запыленные пятки мелькали тут и там, забегали на второй этаж и выбегали на улицу. Казалось, что мальчик искренне радовался присутствию в доме мужчины. Иногда он затаивался на лестнице между этажами, наблюдая за Костей и Лидой.

Для Кости он был просто «мальчик», хотя мать представила сына гостю.

— Саша, скажи «здравствуйте», — подсказала Лида.

Мальчик в ответ что-то буркнул и с серьезным видом продолжил заниматься своими, только ему понятными детскими делами. Временами он что-то бормотал, словно читал заклинания. Видимо, такая бессловесная неопределенность больше соответствовала характеру этого маленького молчуна.

— Где его отец? — полюбопытствовал Костя, захмелев от домашнего самогона.

Лида вздохнула. При этом мальчик сразу как-то весь сжался.

— Этот?.. Сидит... Вернее, отсидел. Вышел уже, — просто ответила она и пытливо посмотрела на постельщика. И, не дожидаясь дальнейших вопросов, добавила: — Теперь звонит, просится обратно. Угрожает. Глаза б мои его не видели. Непутёвый он.

«Непутёвый... Во всех семьях одно и то же», — подумал Костя. Его жена тоже хотела спокойного размеренного счастья, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Применительно к такому счастью на ум приходило слово «мещанское», хоть до конца Костя и не понимал его смысл. Он сам тоже был «непутёвый» и витал в облаках. И вот в какой-то момент они с женой стали друг другу чужими. Последовали крикливое расставание, опустошенность после развода и безразличие ко всему.

Сбросив с себя бремя супружеских обязанностей, Костя, подобно странствующему монаху, отправился в этот поход.

— Как же ты одна справляешься?

— Вот так и справляюсь, — увильнула хозяйка, демонстрируя, что не хочет продолжать разговор на неприятную тему.

Но Косте показалось, он уловил, что она попыталась скрыть от него.

— Уехали бы... с сыном, — выпорхнула стандартная ремарка.

— Куда и на какие деньги?! Да и не хочу я. Здесь хорошо.

Костя стал рассматривать внутреннюю обстановку в доме. Что-то успокаивающее в ней было: ковер с оленями на водопое, вычурного вида резной комод, зеркало в полный рост (амальгама по углам отслоилась), разделенное столиком темного дерева, высокая кровать с периной и аккуратно сложенными друг на друга подушками. Посередине

комнаты под люстрой стоял массивный стол, накрытый до пола скатертью.

Похожая обстановка была в Костином детстве в деревне. Но это было давно. Бабушка умерла, а с ней и прошлое. Остались лишь воспоминания.

Ружье на стене особенно привлекло внимание постельщика — та скрытая сила, что пружиной затаилась внутри двух параллельных линий стволов.

— Заряжено, — заметила Лида, увидев его интерес. — Защита от диких животных и... людей, которые порой хуже диких животных.

Косте хозяйка постелила во времянке, которая использовалась теперь как домик для гостей.

Когда Лида ушла от него, в дверном проёме мелькнув белой ночной рубашкой, Костя вытянулся на кровати, истомно хрустнув вагончиками-позвонками. Приятная пустота в теле, которое ещё хранило голодные ласковые прикосновения Лидиных рук, расплзалась всё дальше, словно пыталась охватить весь мир и даже больше. Так Косте хотелось бы жить.

Напряжение от тяжелого перехода теперь отпустило. Потом пришла темнота сна, словно упал занавес.

Спустя некоторое время его сон вспугнул какой-то урчащий звук, похожий на далекие раскаты грома, но громом он не был. Что-то другое, тревожное... драконье.

Конечно... мотоцикл.

Костя приподнялся на локте.

Мотоцикл остановился и затих, словно затаился. Скрипнула калитка, и в затишье ветра Костя услышал, как кто-то прокрался к дому. К Лиде и мальчику, понял он.

Вяло звякнула цепь возле собачьей будки, но лая не последовало.

«Этот», — отчетливо мелькнуло в Костиной голове. Он включил свет, оделся и пошёл на улицу.

Снова поднялся ветер, но все ещё без дождя, как на Яблочный Спас. Вдали, словно капилляры на белке глаза, разрезали небо юркие молнии.

Костя постоял у дома хозяйки, прислуши-

ваясь. Он сам не понимал, что хотел услышать. Да и что разберешь в такой ветер?.. И всё же он услышал, это был разговор на повышенных тонах. Потом в окне мелькнул и погас свет. Что-то упало и разбилось.

Так в Костином детстве, когда ругались родители, он, беспомощный, стоял за дверью, прислушиваясь к агрессии взрослого мира и ожидая, когда всё прекратится. Тогда он мог только смиренно наблюдать за происходящим. Зажмуриваясь и закрывая ладошками уши, Костя представлял себе, что всё это не взаправду.

Но сейчас он мог вмешаться.

Стремительно в несколько шагов Костя пересёк двор, рванул дверь и ворвался в дом.

В подсвеченном через окно лунным светом помещении он различил, как на полу извивается жилистая мужская спина, из-под неё пыталась высвободиться женщина. Грубая ладонь зажимала Лидин рот, другая шарила где-то на уровне промежности.

Костя включил свет. Вспышка... Спина дёрнулась и застыла. Насильник, ослеплённый светом, обернулся и посмотрел в направлении незваного гостя.

— Отпусти ее, — потребовал Костя.

«Этот» проморгался и присмотрелся. Встал, подтягивая трусы.

— Ты кто такой? Чё тебе надо? Не лезь не в своё. Это моя женщина.

— Уже нет, — Костя не отступал.

— Валера, уходи. Я тебе уже всё сказала. — Лида попыталась прикрыть грудь надорванной ночнушкой.

— Заткнись! — рявкнул он и стал внимательно изучать Костино лицо. — На красноперого меня променяла, — процедил он Лиде и снова посмотрел на Костю. — Я своё отбыл, начальник.

— Я тоже. И я теперь не начальник.

— Бывших не бывает. Ни эков, ни ментов, — выдохнул «этот» избитую истину.

— Уходи, Валера, по-хорошему. Это больше не твой дом.

— Сам решу, — Валера стал плавно продвигаться к столу, на котором среди посуды лежал кухонный нож.

— Не надо, — Костя скосил взгляд на ружье, — просто уходи и всё.

— Это у вас, ментов, «и всё»! — Нож со стола оказался в руке «этого», и острие угрожающе нацелилось в Костину грудь.

Костя быстро снял со стены ружье, взвёл курки, но держал его стволами в противоположную от Валеры сторону.

— Повторяю: уходи, Валера.

Но «этот» не слушал и шаг за шагом приближался.

Костя нажал на спусковой крючок. Неожиданно громко в замкнутом помещении дуплетом раздался выстрел.

Валера оторопело смотрел на Костю. В углу затихла Лида.

— Ты чё, сдурел, начальник! Я же пошутил, — переменив манеру, заскулил Валера, и нож плавно вернулся на стол. — Думаешь, я из-за бабы в тюрьгу опять пойду? Ну, попугал немного...

Но тут в углу на лестнице что-то со стуком рухнуло на пол. Через мгновение закричала Лида. Она первой поняла, что произошло.

Костя посмотрел в сторону выстрела — туда, где был темный пролёт лестницы, и сердце его, как будто споткнувшись, сбилось с ритма.

— Конец тебе, мусор! Суши вёсла и сухари, — ослабил Валера, затем быстро собрал разбросанную одежду и выскочил на улицу.

Затарахтел и через секунды вдали затих мотоцикл.

...Костя не пошёл за Лидой. По её скулению с подвыванием — подвыванием самки, потевшей детеныша, — он и так всё понял...

— Жи-жи-вотные, какие же вы животные!!! — скулила она, а потом — тишина, всхлипывания. И вдруг: — Жи... и... вой!!!

Костя не мог больше этого выносить. Он зажмурился, как в детстве. И если бы не ружье в руке, то зажал бы и уши, чтобы это все стало не взаправду.

Костя вышел во двор. Сел на скамейку. Посмотрел на черную, готовую вот-вот разродиться тучу. Приставил стволы к горлу, чуть повыше кадыка, и нажал на спусковой крючок. И тут крупными каплями пошел дождь, словно на небе выдавили гнойный нарыв.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Письмо пришло на электронную почту ректора. А ректор уже сообщил в наше управление. В подобных случаях ответственный от руководства должен выехать, как у нас говорят, на «заявку». Я собрался и поехал в институт.

Дороги были свободны, но я пропустил нужный поворот, развернулся на следующем перекрестке. Припарковав машину, вошел в холл.

Большую часть преподавателей и студентов уже эвакуировали. Последние из них, как песчинки в песочных часах, «вытекали» через главный выход.

Некоторые беспечно бродили на улице недалеко от института в зоне повышенной опасности.

Внутри я осмотрелся.

За стойкой охраны работал следователь. Рядом с ним лежала папка с техническими данными помещений института. Участковый с недовольным выражением лица стоял тут же неподалеку. Я подошел к нему. Он нехотя рассказал о том, что в здании посторонних лиц и подозрительных предметов пока не обнаружено. Группа студентов-волонтеров осматривала помещения и внутреннюю территорию.

Меня расстроил очевидный факт: участковый тоже должен принимать участие в осмотре. Как это ни банально звучит, но за риск на службе он получает надбавку в денежное довольствие. Но я промолчал, и от этого мне стало противно. «Выдохся», — мысленно констатировал я.

В холле витала умиротворенно-беззаботная атмосфера. Между собой о чем-то тихо беседовали ректор, его заместитель и женщина, умело скрывающая свой возраст. Позже я выяснил, что она отвечает здесь за пожарную

безопасность. Отдельно от них кучковались вахтерши и уборщицы. Из гардероба, как в передаче «В гостях у сказки», выглядывала гардеробщица.

Охраной здания занималось предприятие, название которого я не запомнил. Название, как всегда, было связано с чем-то вдохновенно-мужественным. То ли «Гриф», то ли «Скиф», то ли еще какой-то «...-ф». На шевроне, пришитом на правом рукаве засаленной черной униформы, был изображен грифон.

Два тучных «грифа» с землистым цветом лица сонно прохаживались по первому этажу. Седовласые «скифы» с залысинами и красноватыми пористыми носами стояли у дверей и никого не впускали внутрь. Беседу между собой они вели на своем «скифском» языке.

Эта картина еще больше испортила мне настроение. Я вдруг понял, что уже некоторое время сжимаю кулаки в карманах форменной куртки.

В это время со второго этажа спустились пожарные МЧС. Один из них в звании сержанта быстро огляделся и громко свистнул, чем сразу прекратил бесцельное блуждание, досужие разговоры и привлек к себе внимание. Меня он не заметил.

— Внимание... — спокойно начал он и стал четко раздавать указания, замешкавшимся показывать направление движения, задавать вопросы и получать немедленные ответы. Громоздкий кислородный баллон на спине не стеснял его выверенной жестикуляции.

Он как-то сразу сумел всех мобилизовать. Присутствующие вдруг прониклись тем, что находятся здесь не просто так, а по случаю... важному случаю.

Человеческий механизм заработал слаженно и без сбоя. Даже «грифы» со «скифами» подтянули свои дряблые тела поближе к сержанту, чтобы внимать его речи. Их взгляды приобрели какой-то масляный оттенок. Они даже как будто стали выше ростом и значительнее. В общем, сержант сделал то, что должен был сделать я.

Что-то в нём было такое... надёжное, что ли... Лицо простое, светлое, с правильными

чертами... Серые глаза со стальным оттенком. Русые волосы. Форма, сшитая из плотного огнеупорного материала, сидела на нём ладно и скрывала телосложение. Но узкие ладони и тонкие запястья выдавали худобу.

Я видел, как такие вот ребята однажды спасли женщину, которая в состоянии сильного алкогольного опьянения сидела на балконе пятого этажа. В её квартире полыхал пожар, причиной которого она сама и была. Жители дома и просто зеваки толпились во дворе и обсуждали возникшее ЧП, и я был в числе этих зевак. А баба в то время сидела на балконе...

— Товарищ подполковник!.. — передо мной стоял тот самый сержант и что-то говорил.

Я вышел из задумчивости, спросил:

— Что?

— Вы даёте команду «отбой», чтобы мы могли поехать на другую заявку? — сержант смотрел на меня и ждал ответа, — смотрел открыто и честно, без подхалимства и иронии.

Я был значительно старше его по званию, и он это уважал. Но мне казалось, что он видит во мне что-то ещё — то, чего я сам, возможно, в себе уже не видел.

— Отбой!

Я вернулся в управление, снял мешковатую форму (я и не заметил, когда она такой стала), повесил в шкаф и задумался о том, каким я стал. И профессия не имеет к этому никакого отношения.

...А заявка о заминировании была ложной.

Сергей Анатольевич ХАУСТОВ

родился в 1981 году.

Долгое время жил в Кайеркане (Красноярский край).

Окончил юридический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

аэрокосмического приборостроения.

Работал в уголовном розыске,

подполковник полиции в отставке.

В настоящее время — учитель истории и обществознания.

Пробует себя в литературном творчестве.

Дебют в «Севере».

